

души моей, хотите ли вы мне даровать свободу, или повелеваете до самого гроба носить тяжкие сии оковы?»²⁴ В ответ «дражайшая А» проявляет неожиданный практицизм и говорит, что если он хочет на ней жениться, то должен готовиться к препятствиям со стороны ее родителей, которые вряд ли позволят ей выйти замуж за иностранца. Герою ничего не остается делать, как сказать, что «чувствования» его «совершенно сходствуют» с ее и предложить ей руку и сердце. Этот забавный диалог, который на первый взгляд выглядит безусловной компиляцией романного и мемуарного типов повествования, тем не менее мог иметь место в действительности. Объяснение происходило по-немецки, и если допустить, что в основе данного эпизода лежит факт реальной биографии автора, то Хомякову, плохо владевшему этим языком, возможно, на самом деле пришлось позаимствовать текст любовного признания из романов. Но Болотов, который, вероятно, обратил внимание на комическую контрастность данного диалога, мог не принять во внимание «языковой фактор», так как сам он хорошо говорил по-немецки и смог бы при необходимости признаться в любви без помощи книг.

Помимо доминирования любовной интриги и соответствующего стиля необходимо отметить ряд других свидетельств романизации прозы Хомякова. В частности, Сиповский выделил три момента, в которых влияние авантюрного романа особенно очевидно: описания природы, обилие нравоучительных сентенций и особая роль судьбы в жизни героя.²⁵

Герою авантюрного романа полагалось быть подверженным гонениям судьбы. Поэтому иногда Хомяков, видимо, не находивший в своей жизни достаточно подходящих примеров подтверждения того, что он был «не что иное, как невольник злосчастной судьбы»,²⁶ склонен к их изобретению. Объяснившись с будущей женой и предчувствуя препятствия женитьбе, которые будут чинимы со стороны его отца и полкового командира (никак, впрочем, не мотивированные, в отличие от тех, о которых предупреждала его невеста), он раздражается длинным монологом о превратностях судьбы и даже заранее, еще до разговора с ними, помышляет о самоубийстве.

Категория судьбы у Хомякова сопоставима с категорией Божественной воли у Болотова. Герой записок Болотова сам строит свою жизнь, согласуя ее с волей Творца, что ставит его на более высокую ступень, чем та, на которой находится герой мемуаров Хомякова,— игрушка в руках судьбы. Жизнь, подобная болотовской, может быть показательна, так как является сознательно выстроенной, жизнь же Хомякова — цепь случайностей (впрочем, не исключительных), не достойная быть описанной в книге. Поэтому у Болотова вызывает возмущение тот факт, что свои записки Хомяков предназначает для печати (книга приписана «всем читателям вообще, а особливо любителям долговременных путешествий»): «Истинно понять невозможно, что бы побудило его подарить публику таким подарком. Вся довольно длинная его повесть не вмещает в себе

²⁴ Хомяков П З Указ соч Ч I С 92–93

²⁵ Сиповский В В Указ соч Т I Вып I С 671

²⁶ Хомяков П З Указ соч Ч II С 197